СУДЬБА ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ НИЦШЕ В РОССИИ¹

Михаил Богатов: Прежде чем приступить к самому Ницше и к вопросам, на которые Вы можете ответить как издатель, мне хотелось бы задать вопрос, который обычно не задают: почему Ницше? Почему из нескольких других мыслителей Вы выбрали для своего издательского проекта именно эту фигуру?

Игорь Эбаноидзе²: Дело в том, что само издательство исходно создано ради издания собрания сочинений Ницше. Кое-что в политике издательства меняется в нюансах в зависимости от обстоятельств, о которых мы будем говорить потом, но в целом эта исходная задача остается некоторой нашей доминантой.

М.Б.: Да, это заметно по книгам.

И.Э.: Здесь иная ситуация, нежели когда создаётся бизнес, и мы обращаемся от одного проекта к другому. Тут издательство создано для решения определённой задачи. То есть она исходно ставилась не как бизнес-задача, а задача скорее научная. Другое дело, что у нас были возможности и условия реализации этой задачи.

М.Б.: Хорошо, уточню вопрос: почему в задаче стоял именно Ницше?

И.Э.: С одной стороны, Ницше занимался, интересовался и любил человек, который создал условия для того, чтобы издательство это существовало, с другой стороны, я этим занимался – хотя на тот момент не так интенсивно, как последние десять лет, но, тем не менее, уже многие годы перед основанием издательства. То есть, вопрос заключается в том, почему я интересовался Ницше.

М.Б.: Сложно ответить на вопрос, почему человек интересуется Ницше.

¹ Беседа состоялась 21 октября 2014 г. Расшифровка диктофонной записи – Илья Колесников. Редакция интервью – Игорь Эбаноидзе.

² Далее М.Б. и И.Э. соответственно.

И.Э.: Нет, на него можно ответить. Как я наблюдаю по опыту, довольно многие приходят к Ницше через его образ: такая биографическая легенда – это одна из составляющих интереса к Ницше. Вторая важная составляющая может быть связана (как в моём случае, но, думаю, далеко не во всех случаях) с тем, что этот автор был для меня важен как человек, помогающий справиться с некоторыми вопросами, встающими у воспитанного в церковной среде человека.

М.Б.: Да, понятно. Этот человек, которого Вы упомянули, – не его ли джип фигурировал в фильме “Ницше в России”?

И.Э.: Нет, не его. Автомобиль Дмитрия, взявшего себе псевдоним “Фьюче” - создателя сайта Nietzsche.ru, и он связан с издательством последние 4 года. А того человека звали Владимир Васильевич Миронов, он скончался в этом году.

М.Б.: Да, ему посвящён последний вышедший том¹.

И.Э.: Зато фильм, о котором Вы упомянули, был снят по сценарию того человека, и он оплатил приезд Збигнева Цыбульского на съёмки, на роль Ницше.

М.Б.: Сайт Nietzsche.ru также входит в единый проект, частью которого является издательство “Культурная революция”?

И.Э.: Нет, они параллельны. Он существовал еще до создания издательства. Равно как и Миронов еще до создания издательства заказывал разным людям переводы черновики Ницше и предполагал это просто издать в каком-то из существующих издательств, но после встречи с ним мы решили создать собственное издательство для этой цели. Эти вещи исходно не связанные между собой.

М.Б.: Спасибо. Попробую сформулировать вопрос, относящийся к самой научной составляющей нашей беседы. Наш альманах будет посвящён судьбе творческого наследия, там есть несколько ступеней измерения проблемы. Допустим, такая проблема: умер некий поэт (или художник), и сразу начинается

¹ См. *Ницше Ф.* Полное собрание сочинений: в 13 томах, Т.3: Утренняя заря, Мессинские идиллии, Весёлая наука. – М.: Культурная революция, 2014. – 640 с.

процесс, который можно назвать *приватизацией* его наследия; кто-то из близких или, наоборот, случайные люди говорят, что “мы его ученики, поэтому слушайте нас, это наш голос”. Конечно, с Ницше уже другая ситуация, потому что мы знаем, как его образ искажался несколько раз: на эту тему была замечательная статья в сборнике “Ницше в России” о пяти или шести “Волях к власти”¹.

До нас дошли не только тексты Ницше; пожалуй, ещё больше, чем тексты, в культуре работают механизмы, говорящие, как нам надо читать Ницше и говорить о нём. Как Вы относитесь к этим механизмам и можете ли Вы их описать в этой связи? Иначе говоря, к чему призван проект этого издательства? Ведь вы предоставляете нам тексты, и понятно, что они сформируют контекст, но контекст *уже* жёстко сформирован, и как, по Вашему мнению, на него повлияет издание полного собрания сочинений Ницше?

И.Э.: Меня смущает в этой ситуации то, что контекст сформирован настолько, что после издания тринадцати томов, которые исходно, по одной из задач Колли и Монтиари, должны развеять и полностью аннигилировать разговоры о “Воле к власти”, выяснилось, что, сколько томов не издавай, люди будут продолжать спрашивать “Волю к власти”. Более того, считать собрание сочинений Ницше неполным оттого, что в нём нет “Воли к власти”.

М.Б.: Но вы им подарили “Волю к власти” в самом начале².

И.Э.: В этой ситуации у меня возникает сейчас новая задача – мы снова издадим “Волю к власти”, но уже строго критическое издание, которое однозначно бы показывало, что и как купировано, внесено, сепарировано, разобрано на части, или же наоборот воспроизведено в точности.

М.Б.: И с “Ессе Liber”³?

И.Э.: Эта работа написана как раз, под псевдонимом, покойным В. Мироновым, и я собираюсь ее включить в книгу как приложение,

¹ См.: *Д’Иорио П.* Все эти “Воли к власти”. – Ницше и современная западная мысль. М.: Летний Сад, 2003. – С. 490-531.

² См.: *Ницше Ф.* Воля к власти. – М.: Культурная революция, 2005. – 880 с.

³ *Орбел Н.* Ессе liber: опыт ницшеанской апологии. Ницше Ф. Воля к власти. – М.: Культурная революция, 2005. – С. 570-734.

как яркий такой пример энтузиастической позиции в отношении “Воли к власти” - позиции, которая в курсе доводов Монтинари, и тем не менее, не считает нужным этими доводами руководствоваться, потому как полагает, что применительно к текстам могут быть доводы важнее филологических. В общем, я не собираюсь в точности воспроизводить былой вариант, но я хочу сделать издание, основанное на других принципах. Присматриваясь к этой работе, понимаешь, что её нужно сделать: следует снова издать “Волю к власти” после всех этих томов, потому что всё равно она в сознании людей будет существовать. Нужно издание “Воли к власти”, в которых будут отмечены все вставки, все интерполяции, все насильственные объединения фрагментов, все, наоборот, вытяжки из фрагментов, все подписанные и придуманные Кёзелицем заголовки. С помощью квадратных скобок ещё в первом издании была осуществлена попытка немного это наметить.

М.Б.: У вас в конце книги была таблица соответствия фрагментов.

И.Э.: Таблица соответствия фрагментов тоже не идеальная, есть более совершенные, но удивительна ситуация, что эта книга в представлении людей живёт, как бы ты ни пытался с этим мифом справиться. Поэтому получается, что в творческое наследие Ницше действительно входит книга, им не написанная, это анти-книга Ницше.

М.Б.: Да, и задаёт мотив.

И.Э.: Здесь идёт полное нарушение художественной логики Ницше. Это к вопросу о правильном и адекватном чтении Ницше – вопрос о понимании композиции его произведений. Это задача серьёзная и сложнейшая, и с ней мало кто на сегодняшний день пытался справиться или справился. А тут как будто этой композиции не существует в принципе, как будто всё диктуется просто какими-то логическими принципами.

М.Б.: Как будто он учебник писал.

И.Э.: Да, как будто учебник писал, и “всё тут понятно”: “вот такое понятие возникает здесь, поэтому сюда же присоединяем ещё и вот этот кусок”.

М.Б.: До сих пор, когда проходят Ницше на философских факультетах, выделяют “основные идеи” в духе: сверхчеловек, воля к власти, вечное возвращение – три основные рубрики, по которым студентов настраивают вычитывать это, вчитывать в текст, и тем самым игнорировать всё остальное и даже основное. Но в лучших случаях заставляют читать “Рождение трагедии”, в которой тоже будто есть универсальный логический принцип “аполлонического” и “дионисийского”, забывая про третье – “сократическое”, впрочем, ладно. Что в этой ситуации нужно сделать помимо издания текстов, чтобы люди начали читать Ницше, а не просто вдумывать и выискивать то, что им сказали снаружи?

И.Э.: Как раз об этом я и говорил. Что нужно сделать, чтобы читали Ницше? – Ничего тут не сделаешь: люди таковы, они не любят читать (очень малое количество людей любит читать). Если кто-то любит читать Ницше и может долго это делать, то понятно, что это человек, который любит Ницше, а человек, который будет искать у него поскорее про “сверхчеловека” и хвататься за “волю к власти” именно там, где она прописана, это человек, которому нет дела до действительно существовавшего писателя и мыслителя Ницше. Таких очень много, и они считают, что любят Ницше.

М.Б.: Ницше будто сам писал так, чтобы эти люди могли легко у него всё выискать.

И.Э.: В том-то и дело, что не так легко выискать, потому что открывая книгу Ницше (например, “Весёлую науку”), можно пройти десятки страниц в этом плавание, совершенно не находя там сверхчеловека и волю к власти; зато находишь совершенно другие вещи. Но если ты, находясь в этом плавание, получаешь удовольствие и начинаешь слышать композиционную музыку, которой это всё обрамляется? Моя задача – которая, может быть, осталась в отношении наследия Ницше, и которую я могу пытаться решать, – это осветить более тонкие моменты, которые есть у Ницше, развить слух к его музыкальности. Когда ему было около тридцати с чем-то лет, сын Мендельсона звал его в путешествие по островам греческого архипелага – Ницше не отправился в это

путешествие. Почему он не отправился – не так важно, в духовном плане он это путешествие проделал потом в книгах.

М.Б.: С Хайдеггером потом была очень похожая ситуация. Ему тоже предложили знакомые со стороны: “Ты пишешь о Греции – поехали”. Он долго отказывался, потом поехал, писал дневник и всё время в этом дневнике грустил, что не видит он этой Греции, и потом, когда он стал оглядываться с самой высокой точки острова Делос – наконец сказал: “Вот он, праздник зримости”¹. Он тоже сопротивлялся, хотя писал о греках, а Ницше не поехал.

¹ “В дождливый, холодный день, в Венеции, когда он ждал посадки на пароход, его снова охватили сомнения: «...не может ли все то, что он примысливал стране бежавших богов, оказаться пустым вымыслом, и самый путь его мышления – ложным путем?» (А, 3). Хайдеггер понимал, что рискует многим. А вдруг Греция встретит его так же, как эта Венеция, давно превратившаяся в мертвый «объект истории», «отданный на разграбление индустрии туризма»? После двух ночей плавания рано утром показался остров Корфу, древняя Кефалления. Неужели это и есть страна феаков? Хайдеггер, сидя в шезлонге на верхней палубе, еще раз перечитал VI книгу «Одиссеи», но не нашел никакого сходства. То, что он надеялся увидеть, не показывалось. Все скорее походило на итальянский ландшафт... Его не тронула и Итака, родина Одиссея. Хайдеггер уже опять сомневался: поиски «изначально-греческого» – правильный ли это путь, чтобы открыть Грецию? А вдруг «непосредственное восприятие» (А, 5) только осквернит, погубит страну его грез? Корабль бросил якорь у берега, и солнечным весенним утром автобус повез их в Олимпию. Ничем не примечательное селение, недостроенные корпуса американской гостиницы вдоль шоссе... Хайдеггер приготовился к худшему. Что же – от его Греции не осталось ничего, кроме «произвольных представлений» (А, 8)? На руинах Олимпии в то утро пел соловей, «барабаны будто скошенных пулеметным огнем колонн» еще сохраняли «пеньки несущих конструкций». Этот мир мало-помалу входил в Хайдеггера. В полдень – отдых на траве под деревьями, ничем не нарушаемая тишина... Только теперь он почувствовал, что, быть может, приехал не зря: мелькнуло «слабое предощущение часа Пана». Следующая остановка, окрестности Микен. Это место показалось ему «единым стадионом, приглашающим к праздничным играм» (А, 12). На холме три колонны, оставшиеся от храма Зевса: «...в шири ландшафта, как три струны невидимой лиры, на которой, быть может, неслышно для смертных, ветры играют траурные песнопения – в память о покинувших эти места богах» (А, 12). Хайдеггер начал погружаться в родную для него стихию. Пароход между тем приблизился к греческим островам, разбросанным вдоль малоазийского побережья. Вот и Родос, «остров роз». Хайдеггер не пожелал сойти на берег, «сосредоточенность на некоей новой мысли предъявила свои права» (А, 16). Греческому духу – в те, давние времена – приходилось бороться с «азиатским духом», и он был всецело захвачен этим актуальным для него противостоянием. А нам, сегодняшним людям, бросает вызов техника. Учиться у греков – не тому ли должны мы у них учиться, как вынести вызов, который бросает нам наша современность? «Вспоминающе мыслить» (Andenken) о греках – не значит ли это заниматься «чуждым миру делом», которое уже в силу этой чуждости есть предательство по отношению к греческому духу, всегда открытому для восприятия актуального? «Так, по крайней

И.Э.: Ницше не поехал. Тем не менее, он какими-то впечатлениями делится. Как с острова греческого архипелага. Я ввёл эту тему сейчас, чтобы возобновить задачу чтения Ницше. Ницше, когда туда погружается, отправляется в некоторую “Одиссею”. Она у Ницше иная: позиционируется как открытие новой земли, “открытие Америки”, “Колумб”, “по кораблям” – очень много афоризмов мореплавания. Тем не менее, не утонуть и вырुлить в этом мореплавании можно. На мой взгляд, можно увидеть все эти вещи, а не только прописанные в наших методичках по философии и которые ищет человек, не желающий читать Ницше, а желающий поскорее вычитать про “волю к власти” и “сверхчеловека”... Последние, кстати, часто встречаются в его текстах под другими именами. Очень часто – в афоризмах с достаточно узким культурно-историческим контекстом: как Гёте или Наполеон, в первую очередь...

М.Б.: ...Чезаре Борджиа иногда.

И.Э.: Чезаре Борджиа это очень поздняя тема, а Гёте и Наполеон фигурировали во все периоды творческого наследия, но они на самом деле являются определённой “прафигурацией” Диониса и сверхчеловека. То есть, это исторические персонажи в этих афоризмах упоминаются под определённым углом, подсвеченные как часть сверхчеловека. Точно так же и воля к

мере, кажется» (А, 16) – этими словами Хайдеггер закончил абзац. Пароход тем временем причалил к Делосу. Уже само название острова говорило о многом: «явный, ясный» (А, 19). Сияло солнце, на берегу дожидались покупателей местные женщины, разложив для продажи, прямо на земле, пестрые ткани и вышивки, – «радостный вид». Если не считать этих женщин, остров оставался почти безлюдным, но везде виднелись развалины храмов и других древних построек. «Отовсюду говорило сокровенное, сопряженное с давно минувшим великим началом». По заросшей травой каменистой тропке, заваленной какими-то обломками и обдуваемой свежим ветром, Хайдеггер поднялся к иссеченной трещинами вершине Кинфа. И тут для него наступил великий миг. Горы, небо, море, острова вокруг вдруг раскрылись, показали себя, вступив в освещенный круг. «Что же это – то, что таким образом проявилось в них? На что они намекают?» Они намекают на праздник зримости, ибо позволяют всему явленному «обнаружить себя в качестве собственно присутствующего таким-то и таким-то образом» (А, 21). На самой высокой горе Делоса, с которой, в какую сторону ни посмотри, видны море и рассыпанные по нему острова, Хайдеггер отпраздновал свое прибытие в обетованную страну грез”.

См.: *Сафрански Р.* Хайдеггер: германский мастер и его время. – М.: Молодая гвардия, 2005. – С. 528-530.

власти: она присутствует постоянно, и с самого начала говорения о Ницше – у Георга Зиммеля, которого я очень люблю и ценю, – говорится, что главное открытие Ницше и главная тема у него – это различие восходящей и нисходящей жизни; но он не говорит, что это и есть понятие “воли к власти”. Тем не менее, это она и есть. Этот концепт можно понять полностью благодаря тому, что ты его можешь вычитать в совершенно других категориях, а не там, где он назван по имени.

М.Б. Ещё иногда этот концепт проходит под именем “продуктивности”. Здесь целый клубок вопросов. Одно дело, одна проблема, – это то, что, чтобы как-то справиться с наследием Ницше, академизм придумал какие-то “идеи основные”, и мы об этом сейчас уже говорили; а другое – это то, что Ницше имеет очень лёгкое хождение, поверхностное хождение среди не-философов. В том смысле, что любой человек, открывающий какой-либо фрагмент, найдёт что-то себе под настроение, и вот я имел в виду, что Ницше как будто специально так писал. У него же была обезьяна Заратустры, то есть он очень хорошо понимал эту проблему.

И.Э.: Вот когда начинаешь заниматься творческим наследием Ницше, то понимаешь, что сегодня действительно очень легко Ницше как бы “присваивать”. Будто каждый найдёт у него как писателя какие то приемлемые стороны. Я думаю, для большинства таких людей Ницше в *полном* объёме просто неприемлем... Но люди как-то умеют с этим неприемлемым обращаться.

М.Б.: То есть игнорировать.

И.Э.: Они даже не обязательно игнорируют, они его могут немного, так сказать, подвинуть под таким углом... Я вот читаю – надеюсь эту книжку ещё сделать в ближайшие год-два, – мемуары о Ницше. Читаю надгробную речь рёккенского бургомистра, который приходился Ницше каким-то там родственником. И, казалось бы, что может говорить о Ницше бургомистр Рёккена в 1900 г.? Это всё должно быть ему дико, да?

М.Б.: Или неизвестно, непонятно.

И.Э.: Нет, ему прекрасно всё известно! Эта его надгробная речь – она в чём-то гораздо лучше и глаже большинства каких-нибудь так называемых академических излияний по поводу Ницше, написанных сто лет спустя. Там, “как же ты далеко от нас залетел... его беспокойный дух – он срывался всё дальше и дальше, открывал... тебя никто не понимал, ты в одиночестве нес на себе...” – это абсолютный миф, образ его судьбы, он как будто абсолютно не изменился. Читаешь эту надгробную речь бургомистра и, кажется, что это может быть написано в современности. В общем-то всё довольно адекватно. Довольно адекватно, стало быть, всё, что абсолютно не могло быть приемлемым для бургомистра в 1900 г., теперь же это как-то всё сдвинуто, немного по-другому освещено – и так описывается вполне романтический образ такого немецкого “мощного гения”...

М.Б.: Непонятого.

И.Э.: Да, непонятого.

М.Б.: Как Вы опишете ситуацию с нынешними исследователями Ницше в России, как Вы её охарактеризуете? Мы с Вами уже плавно подошли к этому вопросу.

И.Э.: Когда приходишь на конференции по Ницше, то часто видишь, как там говорится про декаданс, снова ставится проблема “Бог умер”, и тут же снова апеллируют к фразе про смерть великого Пана, – ну сколько ж можно заниматься тем, что он сам нам подбрасывает? Очень сложно находить новый язык для разговора о Ницше, вырабатывать какие-то подходы, потому что исследователи сразу включаются в большой заведомый разговор, и иногда даже и заговор, в котором подходы все уже заданы. И что-то новое может открыть тот, кто в первую очередь решает задачу топологии его творчества, кто пытается соответствовать, находя при этом новый язык. Прежде чем говорить, нужен язык для целого, для большого ряда опытов, текстов.

М.Б.: Да, я понял Ваш поворот... Отчасти, так делал сам Ницше со всеми темами.

И.Э.: Вот навскидку несколько тем, которые могут показаться неожиданными, но по-моему вполне перспективны. Например,

сочетание несколько театрального брутального трагизма с атмосферой оперетты. То есть, тот мир музыкальных впечатлений, которые он воспевал на последнем своём этапе и в которые он был погружён настолько, что это очевидным образом отражается на его манере письма. Ведь манера последних произведений несколько...

М.Б.: Экзальтированная.

И.Э.: Да, она даже сказывается на содержании, в том смысле, что стиль начинает дальше немного давить на то, что ты скажешь. Она находится в полном согласии с тем ощущением, которое он выносит из музыкальных постановок, на которые он ходит. Когда он говорит, что ему наибольшую лёгкость приносит...

М.Б.: “Кармен” Бизе он приводит в пример.

И.Э.: ... с одной стороны – “Кармен”, а с другой стороны, опера-буфф Россини, “Золушка”, например. И это не просто эмоциональные впечатления слушателя музыки и зрителя оперы. У Ницше этот вкусовой выбор имеет чуть ли не значение манифеста. Ведь противопоставление Россини–Вагнер очень знаково для немецкой культуры. Вот у Вагнера есть рассказ, почти художественный, про то, как он собирается в “паломничество” к Бетховену. Потом он встречает англичанина, который тоже грезит посмотреть на великого немецкого композитора, и кончается это тем, что он, уже пообщавшись с Бетховеном, встречает того англичанина: тот машет ему рукой и говорит, что теперь едет пообщаться с великим итальянским композитором Россини¹. С точки зрения Вагнера и с точки зрения традиционной немецкой культуры – это уровень полной деградации, который демонстрируют эти...

М.Б.: Филистеры.

И.Э.: Да, филистеры-англосаксы. От Вагнера уходить не в пустоту, а к Россини – это и символическое такое определённое действие, но это не просто манифестация, которую делают для того, чтобы другие посмотрели, – нет; никто этого не видит, это делается внутри себя, Ницше таким образом осуществляет внутренний

¹ См.: Вагнер Р. Паломничество к Бетховену. Избранные работы. – М.: Искусство, 1978. – С. 85-106.

переход от Вагнера, который ему становится в тяжесть, к тому, как танцует Заратустра: это всё смещается...

М.Б.: ... в сторону “ребёнка”.

И.Э.: Да, в сторону южной музыкальной атмосферы. Тут и своеобразный брутальный корсиканский трагизм рядом... И дальше от Россини он уходит вообще к оперетте. Всё это я говорю, освещая биографическую музыкальную сторону, потому что она отражается на произведениях, и если задать парадигму исследования того, что у Ницше означает, и что вкладывается в музыкальную перемену ориентиров, как она влияет на язык, на стиль, на композиционные какие-то моменты, как он становится совсем другим, представляется вот этим – вот проблема. Как он сам говорит, он совсем выходит из парадигмы немецких ориентиров в латинскую среду. Вот это было бы интересное исследование, потому что это совершенно реальное движение, и оно означает что-то важное, а пока мы будем заниматься только волей к власти – будет довлеть этот дух тяжести, с которым Ницше борется на протяжении последнего десятилетия; Ницше снова будет оказываться вместе с тяжестью. Какие ассоциации он вызывает у людей, которым до него нет дела? “Что-то очень тяжёлое, мрачное”, это груз на дне колодца, это... по сути жупел Вагнера из памфлета Ницше.

М.Б.: И ещё Достоевский у многих людей так ассоциируется с той же тяжестью. И Кафка, который для меня очень лёгкий, кстати, писатель. Ну это ладно, это отдельная тема. Да, это интересный проект. Можно ли сказать, что речь идёт не о Ницше как исследователе в академическом смысле слова? Само собой, что он не академический исследователь, но кажется, что академизм может переварить его настолько, насколько он сведёт фигуру Ницше к тому, с чем привык иметь дело. Говорим ли мы о некой фигуре Ницше?

И.Э.: Я знаю, как это развить и я думаю, что Вы это имели в виду, потому что это является следующим шагом в вопросе о том, можно ли говорить о Ницше как исследователе, о пролагателе путей, за которым мы куда-то идём. Ведь огромна масса людей, которые его читают плохо, но всё равно читают и хотят читать, мы все за ним хоть на несколько шагов продвинулись, и действительно, получается что он важен как фигура, он важен со всем своим

опытом и всеми своими движениями, и здесь очень важно понять, куда он нас – кого привёл в движение, – таким образом мог бы привести. Потому что есть варианты, когда Жорж Батай, например, говорит, что Ницше “сошел с ума гениального и вместо нас всех”. Он нас от безумия освобождает, но людям кажется, что всё равно это движение приводит туда, где коммуникация с миром больше невозможна, где она исчерпана, и это безумие выступает как манифестация этой исчерпанности привычного. Это очень опасная вещь. То есть, он в каком-то смысле соблазняет своим безумием; некоторые думают, что это способ, которым можно к нему приблизиться. Скажем, за отсутствием физиологических задатков безумия его можно некоторым образом украсть, находить “социальные” формы безумия, потому что Ницше нам это “разрешает”. Если ты читаешь достаточно, а не можешь слышать музыки его произведений, но зато ищешь схемы, ищешь понятия, и при этом находишься в каком-то очаровании самой его судьбы, от мужества судьбы, от необычности, то это может вывести в роковом направлении.

М.Б.: Вы действительно так полагаете?

И.Э.: Я как раз вижу этот переход к некоторому танцевальному легкомыслию как ещё один вариант того, куда Ницше может вести. То есть, это подразумевается естественно не на уровне там кабаре, не на уровне кардобалета, а на другом уровне.

М.Б.: Кардобалет сам встроен в серьёзную культуру, а Ницше ведёт не к такому кардобалету. Ведь это тоже способ существования серьёзной культуры, то есть *тяжёлой* культуры.

И.Э.: Совершенно верно. Он нас пытается освободить от некоторого трагического смысла, таким образом, чтобы у нас появилась лёгкость.

М.Б.: “Родить танцующую звезду”.

И.Э.: Да, и когда танец перепутали с безумием, с тяжёлым чем-то таким, это очень неправильная вещь, но я об этом даже не буду распространяться, я её всерьёз понимаю как не фантомную опасность, она уже далеко не фантомная.

М.Б.: А Вы не собираетесь написать работу на эту тему? Книгу, например?

И.Э.: Передо мной встаёт проблема языка, в данном случае она мной до сих пор не решена для себя, поэтому я книгу не написал. Я, может быть, и продолжаю заниматься Ницше потому, что не решил для себя еще задачу языка, на каком о нем писать. Я столкнулся, когда писал про Ницше для выпускаемой ИМЛИ “Истории немецкой литературы XX в.”, с тем, что у меня было столько вариантов текста, что сколько я ни переделывал, не смог остановить выбор; в общем, здесь некий языковой вопрос: как подойти с биографической области, с одной стороны, и с области “основных идей”, с другой. Я знаю, что это нечто, которое должно *вызреть*. Писать работу о Ницше в рамках академической традиции советской и постсоветской – это преступление.

М.Б.: Сам Ницше начинал с работы, направленной против устоявшегося академизма. Последний его надеждой на науку была работа “Мы, филологи”. Призыв.

И.Э.: Но стоит помнить, что он совершенно в иной культурной среде находился, чем та, в которой находимся мы.

М.Б.: Мы гораздо более приспособлены к этой “науке”.

И.Э.: Ну да, но кроме того, сколько бы он поливал филологию, надо понимать что филологический подход для него – некая гигиеническая норма, которой отнюдь не придерживается большинство ницшеанцев, и в то же время – большинство “христиан” в понимании Ницше. В “Антихристе” он за науку хватается как за спасение, он совершенный филолог, когда критикует религиозное, “богословское”, сознание, от которого, по его словам, “на стенку хочется лезть”.

М.Б.: В ближайших планах издательства мемуары?

И.Э.: Да, мемуары и “Воля к власти”. “Воля к власти” именно как демонстрация анти-книги Ницше.

М.Б.: По поводу писем мы с Вами уже всё проговорили ещё до интервью: их очень много для полного издания. То есть, из

эпистолярного наследия остаётся этот том¹ и ещё включённые в книгу “Юный Ницше”².

И.Э.: Да, из них три четверти не были включены в предыдущее издание писем.

М.Б.: Да, и вообще их не было на русском языке.

И.Э.: Что касается мемуаров, то это очень интересная вещь, потому что там такие большие куски жизни, когда рядом с ним не было никого из близких. Ведь мы не имеем никаких свидетельств об этом периоде, то есть большая часть его жизни проходила вне тех людей, которые могли бы засвидетельствовать, хотя бы помнить. Там как раз есть свидетельства совершенно случайных людей, которые разговаривали с ним в кафе, в Венеции, в Ницце. Это знакомство с незнакомцем, то есть, Ницше фигурирует как незнакомец, и ты начинаешь общаться, а потом, допустим, на пятой встрече узнаёшь, кто это такой. Это очень трогательно.

М.Б.: Да, были такие упоминания, что он очень скромн был в общении. Я помню на этот счёт трогательная версия есть у Даниэля Галеви. Ещё такой вопрос: вот на данный момент сколько по Вашим наблюдениям продано Вами и соответственно собрано людьми полных тринадцать томов? Ведь это же очень авантюрный проект в том смысле, что случайно том седьмой кто-нибудь не купит просто так, то есть, он будет покупать в издании АСТ или Эксмо.

И.Э.: По моим оценкам не знаю, может быть, около двухсот человек.

М.Б.: То есть, где-то двести человек в России сейчас взяли и зачем-то это сделали.

И.Э.: Может быть так, а может быть, я ошибаюсь и их на самом деле больше. От двухсот до семисот. Покупают по отдельности, поначалу мы не высылали полностью, это вот только с сентября, с выходом завершающего тома, у нас появились наконец полные комплекты томов.

¹ Ницше Ф. Письма. – М.: Культурная Революция, 2007. – 400 с.

² Ницше Ф. Юный Ницше. – М.: Культурная революция, 2014. – С. 188-257.

М.Б.: Да, я тоже купил 12 и 13. Думал, кто-то где-то что-то закончил издавать, ну ладно, куплю. Потом на философском конгрессе в 2005 я купил у Вас “Волю к власти”, ещё когда философский был в гуманитарном корпусе, в “стекляшке”. Но помимо того, кто сколько выкупил полных собраний, встаёт вопрос обратной отдачи от этого чтения. Вот Вы на своём примере сказали, что ты занимаешься, занимаешься, занимаешься Ницше, но не пишешь книгу. Это же отдельная проблема. Я говорил с некоторыми людьми, внимательно его читающими, они не делают его предметом своих изысканий, но постоянно к нему обращаются. Т.е. Ницше выступает своего рода таким другом скорее, а не объектом исследования, причём эти люди, так же, как мы по отношению к друзьям, даже не стараются как-то объективировать эту дружбу, спросить “что происходит?”, и мне кажется что вот здесь вот мы говорим сейчас о друзьях таких, или о тех людях, которые его выбирают другом. Потому что как раз для того чтобы написать академическое исследование 12-томник не очень нужен, ну академическое в том смысле, в каком мы уже говорили, на уровне этих “идей”. Т.е. Ваше издание это подарок друзьям Ницше.

И.Э.: Да, это хорошо сказано.